

Виктория Горбань, Мария Клокова

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК КВАЗИЭТАЛОН
КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ**

Статтю присвячено фразеологізмам як лінгвосеміотичним феноменам. Розглянуто частину фразеосистеми, що називає людину, описано безеквівалентні блоки, в яких домінують конотативно негативні одиниці.

Ключові слова: *фразеосистема, антропоцентричність, лінгвосеміотичний феномен, картина світу.*

Статья посвящена фразеологизмам как лингвосемiotическим феноменам. Рассмотрена часть фразеосистемы, называющей человека, описаны безэквивалентные блоки, в которых доминируют коннотативно отрицательные единицы.

Ключевые слова: *фразеосистема, антропоцентричность, лингвосемiotический феномен, картина мира.*

The article is devoted to phraseologisms as linguistic semiotic phenomena. It's considered to the part of phraseological system of calling human being and described equivalentless blocs where connotationally negative units are dominant in.

Keywords: *phraseological system, anthropocentrism, linguistic semiotic phenomenon, picture of the world.*

Фразеологизмы всегда косвенно
отражают воззрения народа...

Отражают – как свет утра
отражается в капле росы.

Б. А. Ларин

Фразеологизмы как лингвосемiotические феномены в своих «эллиптических формулах, которые были отшлифованы и оставлены в наследство потомкам», отражают не только всю историю предков, их психологию и общественную жизнь, но и «забытые предания, искореняемые суеверия, обряды, обычаи, народные игры, заброшенные ремёсла, соперничество между соседними сёлами, незначительные события, памятные в жизни только одного села или одной семьи» [4, с. 255].

Фразеологизмы можно определить как сгусток культурной информации, в котором аккумулируется культурно-национальный характер. Поскольку они – своеобразное зеркало жизни нации, то их значение нельзя определить без фоновых знаний носителей языка. «ФЕ (фразеологические единицы – *авт.*) приписывают объектам признаки, которые ассоциируются с картиной мира, подразумевают целую дескриптивную ситуацию (текст), оценивают её, выражают к ней

отношение. Своей семантикой ФЕ направлены на характеристику человека и его реальности» [5, с. 68].

Именно поэтому многие лингвисты, в том числе и зарубежные, анализируя языковую картину мира, создаваемую фразеологизмами, ведущим её признаком называют антропоцентричность. Если «лексические средства языка выражают практически всю концептуальную картину мира, то фразеологические характеризуют, в основном, зоны с антропоморфической семантикой» [11, с. 20]. Фразеология описывает полнее всего те фрагменты объективной действительности, которые связаны с характеристикой психологических черт человека, мыслительных процессов, индивидуально-типологических черт личности. Этот факт подтверждает необходимость исследования фразеологической системы в сфере, касающейся человека.

Наибольшее количество фразеологизмов наблюдается там, где речь идёт о явлениях объективной действительности, вызывающих личную заинтересованность и эмоциональное переживание субъекта. Так, в словаре Дорнзайфа, где автор распределил фразеологизмы по семантическим классам, большинство фразеологизмов относится к классам «Желание и действие», «Чувства. Аффекты. Черты характера», «Мышление», «Знаки. Информация. Язык», «Общество и коллектив» [10]. Вот почему нам представляется интересным сопоставить фразеологизмы, описывающие характер человека, в неблизкородственных языках: русском, польском и немецком, и выявить «особливу образність, виразність, експресивність, аксіологічність, що ґрунтуються на комплексі відчуттів, уявлень народу, інтерсеміотичних сценаріях культури певного етносу або цивілізації, адже деякі звороти є «уламками» інших текстів: міфів, пісень, казок, байок тощо» [8, с. 12]. Выявить квазиэталоны русского, польского и немецкого мировосприятия – цель нашей статьи.

Любая фразеосистема, отражая этносознание и культуру, состоит из блоков: эквивалентных (формально и семантически), частично эквивалентных и безэквивалентных. В соответствии с целью нашего исследования наибольший интерес представляет последний, т. к. позволяет увидеть уникальность лингвопсихоментальных операций при фразеобразовании. Внутренняя форма, положенная в основу ФЕ, соотносится с лексическим значением, «создаёт особую стереоскопичность словесного представления мира. Ассоциации, создаваемые ВФ (внутренней формой – *авт.*), обладают большим культурно-национальным своеобразием, чем денотат слова» [5, с. 46].

Нами выявлен весьма интересный факт: среди безэквивалентных фразеологизмов, характеризующих человека, преобладают называющие

отрицательные черты. Вероятно, это можно объяснить законами психологии: отрицательное всегда производит большее впечатление, лучше запоминается, вызывает больше эмоций. В том числе и национально специфических. Данные результаты подтверждают мнение исследователя Л. И. Ройзензона: «Во фразеологии негативно коннотированные поля всегда более мощные (в количественном отношении), чем поля с позитивной коннотацией» [7, с. 18]. Поскольку положительное воспринимается как норма, то наш материал дал всего несколько примеров. Проанализируем один из них.

Значение «откровенный, искренний, прямодушный человек» актуализируется в 3-х русских фразеологизмах: **Весь (вся) наружу**, т. е. человек, не скрывающий ничего, полностью «открывающийся» людям. Этот фразеологизм является синонимом к **душа нараспашку**. **Рубаха-парень** имеет два варианта происхождения: 1. Слово «рубаха» в древнерусском языке обозначало простую, грубую одежду. Рубашка – дешевая и простая одежда. Формирование значения оборота связано с развитием семы «простота»: простая одежда – простой в обращении [3, с. 136]. 2. Собственно русское выражение, возникшее на основе фразеологизма **снять с себя последнюю рубаху**. Восходит к Евангелию. Следует отметить, что данный оборот является интернациональным, так как существует во многих европейских языках, но только в русской фразеосистеме был создан свой оборот на основе этого образа. **У кого что болит, тот о том и говорит** – пословица о тех, кто искренне говорит о наболевшем.

В польском языке обнаружено 2 фразеологизма с таким значением: **brat-Bata** (букв. «брат-заплата») – в основе лежит представление о заплатанной, привычной, «родной» одежде. Эту близость подчёркивает и лексема «брат». Видимо, оборот имеет общие корни с рус. **рубаха-парень**. Можно предположить, что для славянского этноса библейские сюжеты довольно близки, что подтверждается набожностью этих народов. **Morowy chBop** (букв. «парень что надо»). Слово *morowy* является просторечным, что создаёт представление о простом в общении человеке.

В немецкой этноментальности данное значение актуализируется во фразеологизме **eine gemütliche Haut** (букв. «уютная шляпа») – т. е. с таким человеком хорошо, привычно, уютно находиться, как в своей шляпе, которую носишь каждый день. В отличие от русского и польского фразеологизмов со словами «рубаха», «Bata» («заплата»), здесь используется лексема «шляпа», поскольку в средние века это была неотъемлемая часть одежды человека.

Гораздо ярче характер безэквивалентности проявляется во фразеологических оборотах с негативной окраской. Характеризуя болтливую человека, ранние этносы включают разные образно-ассоциативные механизмы. Так, в русской языковой картине мира это понятие отражают 4 фразеологизма, в том числе и устаревший **Мидасовы уши [иметь]** – возникло на основе античной легенды о царе Фригии Мидасе. Однажды Мидас решил спор между Аполлоном и Вакхом в пользу Вакха. За это Аполлон наказал Мидаса, снабдив его длинными ослиными ушами. Мидас прятал их под свою фригийскую шапку, и только его брдобрей знал об этом. Чтобы освободиться от тяготившей его тайны, брдобрей отправился к озеру и, обратясь к близлежащему болотистому углублению, шепнул: «У Мидаса ослиные уши». На другой год в этом месте вырос тростник, который постоянно шептал эти слова, и таким образом для всех открылась тайна Мидаса.

Русский фразеологизм **язык без костей** является частью пословицы **Язык без костей – что хочешь плети** [1]. Следующий фразеологизм **распускать язык** восходит к праславянскому *puskati jezyk. Имеет значение «Разболтаться, наговорить много лишнего». Синонимы, как лексические, так и фразеологические, чисто формально противореча основному закону языка – экономии языковых средств, – на самом деле позволяют увидеть ситуацию в другом ракурсе, привносят новые оттенки значения. В данном фразеологизме наиболее актуальной является информация «много лишнего». Не случайно в нём употребляется слово «распускать» с фразеологически ограниченной сочетаемостью, которое встречается в другом фразеологизме – **распускать руки**. В праславянский период в глаголе *pustiti выделялось значение «делать пустым, свободным от чего-либо», что дало в современном *пустить* «перестать удерживать, привести в движение».

Русский фразеологизм **балалайка бесструнная** со значением «очень болтливый, неделовой человек, пустомеля» имеет каламбурное происхождение: *балалайка* как «народный щипковый музыкальный инструмент» и *балалайка* как «балаболка» (простореч.) [2, с. 41].

В польском языке болтливый человек характеризуется 4-мя фразеологизмами. В основе польских фразеологизмов **mówi jak katarzynka** («говорить как шарманка») и **tywi jak nakr'cony** («говорить как заведённый») лежат схожие образы, поскольку шарманка – музыкальный инструмент, издающий звук при вращении ручки. Движение руки шарманщика напоминает движение при заводе механизма. Т. е. болтливый человек говорит бесконечно, как будто в нём находится заводной механизм. При этом первый фразеологизм пересекается с русским **бесструнная**

балалайка упоминанием музыкальных инструментов. Но если в польском актуализируется смысл «беспрерывно», то в русском – «никчемность», так как, если на балалайке отсутствуют струны, то она бесполезный предмет.

Другой польский фразеологизм – *gada ni w pi' ni w dziewi'* («болтать ни в 5 ни в 9») – означает болтать без всякого смысла, неизвестно зачем, невпопад. Модель построения ФЕ на параллельном отрицании двух элементов встречается во многих языках и обозначает нечто среднее, неопределённое. Например, рус. *ни шатко ни валко*, нем. *weder so nicht so* («ни так ни сяк»), пол. *ni pies ni wydra* («ни пёс ни выдра»).

Польское *gada (mywi, plecie) co [lina na j'zyk przyniesie* («болтать (говорить, плести) что слюна на язык принесёт») создаёт представление о том, что слова приносятся со слюной. Этот фразеологизм ассоциативно связан с уже упоминавшейся русской поговоркой *Язык без костей – что хочешь плети*. Идея плетения не чужда русской фразеологии: *плетение словес* «Ирон. О многословном, вычурном стиле; о гладкой по форме, однако пустой и бессодержательной речи». *Плести (городить) плетень* «Неод. Пустословить, говорить несурзное, вздор».

В немецкой этноментальности болтливый человек также характеризуется с помощью фразеологизма *ein gutes Mundwerk haben* («иметь хороший ротовой завод»), в основе которого лежит сравнение рта с заводом, фабрикой, где «производятся» слова. Данный фразеологизм имеет некоторую ассоциативность с уже упоминавшимся польским *mywi jak nakr'conu*.

Такое количество фразеологизмов на эту тему в русском и польском языках говорит о крайне негативном отношении славянского этноса к пустой, безудержной болтовне.

Рассмотрим фразеологизмы, имеющие значение «пронырливый, жуликоватый человек; пройдоха». Их довольно много в русском и немецком языках: *гусь лапчатый, малый (парень) не промах, продувная (хитрая) бестия (шельма), на ходу подмётки рвёт (режет, срезает), кока с соком* [1]; *kein X für ein U vormachen, ein Schlaukopf sein, wo Bartel den Most holt wissen, (faust)dick hinter den Ohren haben, ein krümmer Hund*.

Данная группа выбрана нами, поскольку в ней фразеологизируются аспекты, которые ассоциируются с довольно яркими культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами, здесь представлены культурные коды, хранящие информацию об истории, этнографии, национальном поведении и национальном менталитете, для

которого ложь, изворотливость – явления осуждаемые и неприемлемые, не соответствующие этикету этноса и стереотипам поведения.

Гусь лапчатый говорят о человеке, которому всё сходит с рук. 1. Выражение восходит к тексту заговора: *С гуся вода, а с тебя, дитяtko, вся худоба*, а ассоциация с гусь «мошенник, пройдоха» появилась под влиянием оборота *как с гуся вода* и была связана с представлением, что заговоренному человеку не страшны болезни и неудачи. 2. Благодаря тому, что гусь в буквальном смысле выходит из воды сухим (вода скатывается с его перьев), слово «гусь» приобрело переносное значение «ловкий, плутоватый человек, пройдоха». Это значение реализуется в словосочетаниях: **Ну и гусь! Хорош гусь!** Следует отметить, что оборот **как с гуся вода** вне пословичного контекста является более древним, на что указывает его более широкий ареал в отрыве от его «знахарского» переосмысления: бел. *як с гускі вада*; укр. *зійде як вода з гуски*. Это выражение существует также в польском и чешском языках, причём там эти обороты зафиксированы уже с XVI в., т. е. ранее «пословичных» выражений. Такой материал даёт возможность предположить обратное развитие фразеологического образа: от простого, естественного и конкретного образа гуся, с которого легко скатывается вода (из-за особой жировой смазки оперенья), к более сложным ассоциациям. Образ эксплицировался, развёртывался, входя в знахарские и другие фольклорные формулы, пословицы и поговорки. [2, с. 172–173]. И хотя данный фразеологизм является интернациональным, только в русском языке он породил другие: **гусь лапчатый**, **гусь порядочный (хороший)**, **хорош гусь!**, причём в двух последних семантика расширилась: так говорят о человеке, допускающем предосудительные поступки, нерасторопность, недалёковидность, заносчивость и т. п.

Малый (парень) не промах – выражение возникло в результате переосмысления прямого значения лексемы «промах». **Кока с соком** – устаревшее, экспрессивное. Образовано от названия старинного кушанья кока с соком – яйца с толчёными семенами конопли. В данном фразеологизме наблюдается весьма интересный перенос значений: 1. «Богатство, достаток». 2. «Что-либо неожиданное, неприятное». 3. «Ирон. Хитрец, проныра, ловкач» [9, с. 245].

Значение «пронырливый, жуликоватый человек; пройдоха» реализуется в немецких фразеологизмах **ein krümmen Hund** («кривая собака»), **wo Bartel den Most holt wissen** («знать, где Бартель приносит молодое вино»), **ein Schlaupkopf sein** («быть хитрой головой») – построен по распространённой модели «прилагательное+голова». Фразеологизм **(faust)dick hinter den Ohren haben** («иметь за ушами крепкий кулак»),

вероятно, представляет образ вора, которого хозяин украденной вещи хочет ударить.

К данной группе относится польский фразеологизм *zna wszystkie sposoby* («знать все способы»), т. е. знать, как можно обхитрить.

Интересно рассмотреть и небезэквивалентные фразеологизмы с этим значением.

Русский фразеологизм *Лиса-Патрикеевна* – немецкий *ein alter Fuchs* («старый лис»). Разница в роде существительного объясняется тем, что в немецком языке слово «лиса» («Fuchs») мужского рода. В немецком фразеологизме используется определение «старый» для указания опытности пройдохи. Русский фразеологизм взят из фольклора, где лиса – символ хитрости, ловкого ума. «Дополнительный» компонент – Патрикеевна – уточняет, делает более экспрессивным значение основного компонента. Определение восходит к имени литовского князя Патрикя, коварно и хитро посеявшего вражду между новгородцами. Выражение известно с XIV–XV вв. [6, с. 133]. В русском языке зафиксированы и фразеологизмы *старый лис*, *старая лиса (лисица)* с пометами устар., презр.

Как видим, стереотипы двух неблизкородственных этносов и разных культур могут быть одинаковыми или похожими, так как стереотипизация признаков животных и закрепление их за определённым типом людей «с подвійною, зворотною метафорою. Спочатку людські якості приписувались тваринам <...>, а далі ці фіксовані ознаки, можливо, підкріплені фольклором як символи, усталювалися за певним видом тварин, знаки яких використовувалися на позначення людини на підставі наведених стереотипів» [8, с. 147].

Русский фразеологизм *знать [все] ходы и выходы* – немецкий *alle Schliche kennen* («знать все лазейки»). Т. е. такой человек проникает всюду путём хитрости, происков, знает, как обойти препятствия. В немецком языке используется лексема «лазейки», благодаря которой возникает представление о возможности обойти даже очень большие трудности, найдя в них самые узкие щели. В русском языке такой эффект достигается путём использования однокоренных слов с корнем -ход-.

Русское *прожжённый плут* – польское *wyrafinowany oszust* («изошрённый плут»). В польском языке особое мастерство мошенника подчёркивается прилагательным «изошрённый», т. е. владеющий разными способами мошенничества. Слово «изошрённый» образовано от общеславянского острь – «острый». Ср. *острый ум*.

Подводя итоги, следует отметить, что каждый язык – это уникальное произведение искусства, представляющее картину мира этноса, анализ

которой помогает выявить различия в национальных культурах, отражающие историю, мифы и рефлексивный опыт народа, коллективное бессознательное, а также помогает понять, как национальные культуры дополняют друг друга на уровне мировой культуры.

1. Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова: Литературные цитаты, образные выражения.– М.: Современник, 1996.– 526 с.
2. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Сороколетов Ф. П., Степанова Л. И. К истории и этимологии русских фразеологизмов // Национальные лексико-фразеологические фонды.– СПб.,1995.– С.115–121.
3. Гвоздарев Ю. А. Рассказы о русской фразеологии.– М.: Просвещение, 1988.– 190 с.
4. Касарес Х. Введение в современную лексикографию.– М.: Изд-во иностр. литературы, 1958.– 364 с.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология.– М.: Академия, 2001.– 208 с.
6. Мокиенко В. М. Славянская фразеология.– М., 1989.– 196 с.
7. Ройзензон Л. И. Лекции по общей русской фразеологии.– Самарканд: Изд-во Самарк. ун-та, 1973.– 221 с.
8. Селіванова О. О. Нариси з української фразеології (когнітивний та етнокультурний аспекти).– К.–Черкаси: Брама, 2004.– 276 с.
9. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв. / Под ред. А. И.Фёдорова.– М.: Топикал, 1995.– 608 с.
10. Dornseiff Fr. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen.– Berlin,1959.– 342 с.
11. Spagidska-Pruszk A. Intelkt we frazeologii polskiej, rosyjskiej i chorwackiej.– Aask: LEKSEM, 2005.– 299 с.